

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования

«РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ГИДРОМЕТЕОРОЛОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Кафедра отечественной филологии и русского языка как иностранного

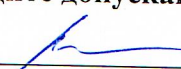
ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА

На тему: Категория одушевленности/неодушевленности и её
функциональная вариативность в современном русском языке

Исполнитель Лудищева Милисса Сергеевна
(фамилия, имя, отчество)

Руководитель кандидат педагогических наук
(ученая степень, ученое звание)

Васильева Инга Владимировна
(фамилия, имя, отчество)
«К защите допускаю»

И.О. заведующего кафедрой
(подпись)

кандидат педагогических наук
(ученая степень, ученое звание)
Виноградова Марина Владимировна
(фамилия, имя, отчество)

25 июня 2026 г.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

2026

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
ГЛАВА 1. ОДУШЕВЛЕННОСТЬ/НЕОДУШЕВЛЕННОСТЬ В СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКЕ - ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ....	7
1.1. Одушевленность/неодушевленность - категоризация понятия.....	7
1.2. История изучения (появления) категории одушевленности и неодушевленности в русском языке.....	16
1.3. Лексические и грамматические показатели одушевленности в русском языке и связь между категорией одушевленности/неодушевленности и категорией падежа.....	20
1.4. Проблемные группы слов, в словарях и грамматиках	23
ВЫВОДЫ ПО 1 ГЛАВЕ	26
ГЛАВА 2. ВАРИАТИВНОЕ УПОТРЕБЛЕНИЕ ПРОБЛЕМНОЙ ГРУППЫ ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ В ТЕКСТАХ РАЗНЫХ СТИЛЕЙ	29
2.1. Особенности употребления в художественном стиле.....	29
2.2. Особенности употребления в научном стиле.....	35
2.3. Особенности употребления в разговорном стиле.....	41
ВЫВОДЫ ПО 2 ГЛАВЕ	47
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	51
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ.....	54

ВВЕДЕНИЕ

Категоризация окружающей действительности — один из фундаментальных процессов, лежащих в основе человеческого мышления и отражающихся в языке. Грамматическая категория одушевленности, присущая имени существительному, является важным инструментом такой категоризации, отражая противопоставление живого и неживого. Одушевленность представляет собой сложный феномен, проявляющийся как на семантическом, так и на грамматическом уровне, и её изучение позволяет глубже понять процессы концептуализации и языковой категоризации. Особый интерес при этом представляют случаи, когда грамматическое выражение одушевленности расходится с её смысловым содержанием: именно такие несовпадения позволяют увидеть, как язык осмысляет живое и неживое.

Актуальность исследования. Актуальность темы определяется прежде всего тем, что граница между одушевлённым и неодушевлённым сегодня становится всё менее устойчивой: роботы, виртуальные персонажи, голосовые ассистенты всё чаще воспринимаются носителями языка как одушевлённые и получают соответствующее грамматическое оформление. Показательно, что подобные колебания проявляются прежде всего в форме винительного падежа (ср. «перезагрузить бота» и «перезагрузить бот»), что делает данную категорию чувствительным показателем языковой динамики. Проследить, по каким закономерностям это происходит в разных функциональных стилях, — значит описать живой язык, а не только его нормативный облик. Кроме того, изучение одушевленности приобретает существенное значение для осмысления взаимосвязи между языком и мышлением, поскольку отражает то, как говорящие воспринимают и классифицируют окружающий мир. Значимо и то, что анализ тенденций развития одушевленности в различных типах дискурса позволяет выявить особенности функционирования языка в разных социальных и профессиональных сферах. Наконец, понимание принципов

категоризации одушевленности необходимо для разработки эффективных алгоритмов обработки естественного языка и автоматического анализа текста.

Научная новизна работы заключается в комплексном анализе функциональной вариативности категории одушевленности/неодушевленности, с акцентом на ее проявления в текстах разных стилей речи. Несмотря на то что понятие одушевленности изучалось долгое время, в работах классиков (М. В. Ломоносов, А. А. Шахматов, В. В. Виноградов) и современных лингвистов (А. А. Зализняк, И. Г. Милославский, С. И. Богданов, Л. Л. Касаткин) внимание учёных сфокусировано на статических аспектах: семантике и морфологии. Новизна предлагаемого подхода состоит в рассмотрении вариативности как динамического феномена, зависящего от стилистического контекста. В частности, систематизируются проблемные группы слов (например, «мертвец», «покойник», «труп», «кукла», а также «вирус», «бактерия»), где семантическая одушевленность не совпадает с грамматической, и впервые анализируется их употребление в художественном, научном и разговорном стилях в аспекте функционально-стилевой вариативности на основе эмпирического материала. Такой подход позволяет выявить закономерности в оформлении винительного падежа (его совпадение с родительным или именительным) и в согласовании, что ранее затрагивалось фрагментарно. Кроме того, новизна проявляется в интеграции лексико-грамматического и функционального подходов, что обогащает теорию категоричности в русском языке и открывает перспективы для дальнейших исследований в области стилистики и прагматики.

Объектом исследования является категория одушевленности/неодушевленности в системе современного русского языка как грамматико-семантический феномен.

Предметом исследования выступает функциональная вариативность представления категории одушевленности/неодушевленности, проявляющаяся не только в несоответствиях между семантическим и

грамматическим оформлением существительных, но и в их различном употреблении в разных функциональных стилях.

Материалом исследования послужили две группы источников. Теоретическую основу составляют нормативные словари и грамматики: «Лингвистический энциклопедический словарь» под ред. В. Н. Ярцевой, словари Т. Ф. Ефремовой, С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой, «Русская грамматика» 1980 года, а также исследования Л. Л. Касаткина, И. Г. Милославского, А. В. Бондарко и С. И. Богданова. Эмпирический материал включает прозаические тексты современных авторов (З. Прилепин, В. Пелевин, С. Лукьяненко), научные публикации по медицине, юриспруденции и биологии, а также записи разговорной речи из подкорпуса устных текстов Национального корпуса русского языка.

Целью данной работы является комплексное изучение категории одушевленности/неодушевленности в современном русском языке с акцентом на ее функциональную вариативность.

Для достижения цели поставлены следующие **задачи**:

- проанализировать теоретические аспекты категории одушевленности/неодушевленности, включая ее определение как лексико-грамматического разряда или категории, историю изучения, лексические и грамматические показатели одушевленности и связь с категорией падежа;
- выявить проблемные группы существительных, где наблюдается несоответствие между семантической и грамматической одушевленностью, на основе данных словарей и грамматик;
- исследовать вариативное употребление проблемной группы существительных в текстах художественного, научного и разговорного стилей.

Методология исследования опирается на принципы системного и функционального подходов в лингвистике, разработанные в работах В. В. Виноградова, А. В. Бондарко и И. Г. Милославского. В качестве методов применяются: описательный метод для характеристики категории;

сопоставительный метод для анализа несоответствий в семантике и грамматике; контекстуальный и корпусный анализ для изучения употребления в различных функциональных стилях; а также приёмы количественного анализа для установления частотности вариативных форм. Это обеспечивает объективность и всесторонность исследования.

Теоретическая значимость работы состоит в углублении понимания категории одушевленности/неодушевленности как динамической системы, зависящей от стилистических факторов. Результаты позволяют уточнить классификацию существительных, расширить понятие функциональной вариативности и внести вклад в теорию морфологических категорий русского языка. Кроме того, исследование способствует развитию исторической грамматики, показывая эволюцию категории от её исторического состояния к современному.

Практическая значимость проявляется в возможности применения результатов в образовательной сфере: для разработки методики преподавания русского языка как иностранного, создания пособий по стилистике и грамматике. Материалы работы могут быть полезны редакторам, переводчикам, специалистам в области компьютерной лингвистики для улучшения алгоритмов обработки естественного языка. Кроме того, анализ проблемных групп слов способствует повышению речевой культуры и нормативной грамотности.

Структура работы определяется логикой исследования и включает введение, две главы, заключение и список литературы. В первой главе рассматриваются теоретические аспекты категории одушевленности: её категоризация, история изучения, лексико-грамматические показатели и проблемные группы слов. Во второй главе анализируется вариативное употребление проблемной группы существительных в художественном, научном и разговорном стилях. В заключении подводятся итоги, формулируются выводы и намечаются перспективы дальнейших исследований.

ГЛАВА 1. ОДУШЕВЛЕННОСТЬ/НЕОДУШЕВЛЕННОСТЬ В СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКЕ - ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

1.1. Одушевленность/неодушевленность - категоризация понятия

Одушевленность/неодушевленность принадлежит к числу тех грамматических категорий русского языка, которые, на первый взгляд, кажутся интуитивно понятными и почти «естественными», а при более глубоком анализе обнаруживают сложную, многослойную природу и вызывают оживленные дискуссии в теоретической лингвистике. Эта категория лежит на пересечении семантики, морфологии и синтаксиса, поскольку одновременно выражает определенное мировидение (разделение мира на «живое» и «неживое») и служит основанием для формальных противопоставлений в склонении и согласовании.

В современной русистике одушевленность/неодушевленность традиционно рассматривается как одна из важнейших семантико-грамматических категорий имени существительного. Ее особенность состоит в том, что она не является чисто морфологической (как род или число), не является чисто синтаксической (как падеж), и даже не вполне семантической (как конкретность/абстрактность). Она представляет собой своего рода «гибридную» категорию, в которой лексическое значение слова, его грамматическое оформление и синтаксическое поведение находятся в постоянном напряженном взаимодействии.

Историческая категория одушевленности сформировалась в славянских языках как результат длительного процесса грамматикализации первоначально чисто понятийного противопоставления «одушевленное - неодушевленное». В современном русском языке она проявляется наиболее ярко в системе винительного падежа: именно здесь формально противопоставлены два типа склонения - так называемый «одушевленный» (В.п. = Р.п.) и «неодушевленный» (В.п. = И.п.). Однако это противопоставление не

охватывает все существительные равномерно и не всегда совпадает с наивной картиной мира носителя языка. Именно это несовпадение и делает категорию столь интересной для теоретического анализа.

В современной лингвистике существуют два основных подхода к интерпретации статуса одушевленности/неодушевленности:

1. Подход, трактующий ее как **лексико - грамматический разряд** (или лексико-грамматическую категорию) имени существительного. В рамках этого подхода одушевленность рассматривается как постоянный морфологический признак, который, подобно роду или склонению, относится к слову так же, как к лексической единице и определяет его парадигматическое поведение.

2. Подход, рассматривающий одушевленность как **самостоятельную грамматическую категорию** имени существительного - категорию, обладающую собственным семантическим ядром, системой формальных показателей и функциональной нагрузкой, сопоставимой с категориями рода, числа и падежа.

Оба подхода имеют долгую и серьезную теоретическую традицию. Первый восходит к классической русской грамматической школе (В.В. Виноградов, А.А. Шахматов, позднее - школьные и вузовские грамматики), второй активно развивается в последние десятилетия в рамках функциональной грамматики, когнитивной лингвистики и типологии [6; 39; 45 и др.].

Различие между этими двумя трактовками не является чисто терминологическим. Оно отражает принципиально разные взгляды на то, как соотносятся в языке семантика и грамматика, насколько жестко грамматическая категория привязана к лексическому значению и в какой степени она может проявлять вариативность и контекстную зависимость.

Рассмотрим оба подхода, их аргументацию, выделим сильные и слабые стороны, а также то, как они объясняют проблемные случаи современной языковой практики (слова типа «кукла», «труп», «мертвец», «покойник», «народ», «толпа» и др.). Это позволит не только систематизировать

существующие теоретические взгляды, но и подготовить почву для анализа функциональной вариативности категории в текстах разных стилей, который будет проведен во второй главе.

Один из наиболее традиционных и до сих пор широко распространенных в отечественной русистике взглядов состоит в том, что одушевленность/неодушевленность следует рассматривать как **лексико - грамматический разряд** (или лексико-грамматическую категорию) имени существительного. Эта точка зрения представлена в классических грамматических описаниях русского языка XX века и закреплена в большинстве школьных и вузовских учебников [9; 13; 14; 48].

Основоположником такого понимания можно считать В.В. Виноградова, который в «Русском языке (Грамматическое учение о слове)» (1947, 2-е изд. 1972) относил одушевленность к числу **«постоянных лексико-грамматических признаков** существительного» наряду с родом, склонением и словообразовательными характеристиками. По Виноградову, одушевленность - это свойство, присущее слову как лексической единице, которое предопределяет его парадигматическое поведение, в первую очередь - форму винительного падежа. Виноградов писал: «Одушевленные и неодушевленные имена существительные различаются не только по значению, но и по грамматическим формам, особенно в винительном падеже единственного и множественного числа» [9, с. 58].

При этом он подчеркивал, что различие это имеет **лексический характер**, то есть принадлежит слову «от природы», а грамматика лишь фиксирует и формализует уже существующее в лексике противопоставление.

Данный подход был развит и кодифицирован в академической «Грамматике современного русского литературного языка» (1970), «Русской грамматике» (1980), а также в школьных грамматиках Н.М. Шанского, М.Т. Баранова, Т.А. Ладыженской и др. Во всех этих источниках одушевленность трактуется как **один из постоянных морфологических признаков**

существительного, наряду с родом, числом (как категорией словоизменения), типом склонения, характером основы.

Типичный перечень лексико-грамматических разрядов имени существительного в современной учебной литературе выглядит так:

1. одушевленные/неодушевленные,
2. собственные/нарицательные,
3. конкретные/отвлеченные,
4. собирательные,
5. вещественные,
6. единичные и др.

В рамках этого подхода одушевленность признается **постоянной** (неизменяемой в пределах одного слова) характеристикой. Слово либо принадлежит к классу одушевленных (человек, собака, ангел, кукла, мертвец), либо к классу неодушевленных (стол, ветер, любовь, труп), и эта принадлежность фиксирована в словарной статье.

Главные аргументы сторонников лексико-грамматического подхода:

1. Парадигматическая стабильность

Форма винительного падежа у большинства существительных предсказуема и не зависит от контекста. Например:

вижу мальчика - вижу мальчиков (Р.п. = В.п.)

вижу стол - вижу столы (И.п.=В.п.)

2. Словарная фиксация

В толковых словарях (Ожегов, Ушаков, Ефремова, Кузнецов и др) помета «одуш.» или отсутствие таковой является постоянным признаком слова. Например:

кукла - одуш.

труп - неодуш.

Это позволяет рассматривать одушевленность как лексическое слово, которое грамматика лишь «обслуживает».

3. Универсальность для школьного и нормативного описания

Подход удобен для преподавания: учащимся предлагается простое правило «одушевленные - это люди и животные», а затем список исключений (кукла, мертвец, покойник, черт, домовый и т.д.). Исключения трактуются как «окаменелые», исторически обусловленные отступления от общей нормы.

4. Согласование с типологией склонения.

В рамках первого склонения (мужской род нулевого окончания) противопоставление одушевленный/неодушевленный является единственным основанием для выбора формы винительного падежа. Это делает удобным отнесение признака именно к лексико-грамматическим.

Однако у этого подхода есть и существенные слабые стороны, которые особенно ярко проявляются при столкновении с проблемными группами слов и с вариативным употреблением.

Критика лексико - грамматического подхода:

- Он плохо объясняет случаи **контекстной и стилистической вариативности**. Например, почему в разговорной речи и в художественных текстах часто говорят «вижу этих мертвецов», но почти никогда «вижу эти трупы»?
- Он не дает удовлетворительного ответа на вопрос, почему некоторые слова «переходят» из одного разряда в другой в зависимости от значения или употребления (ср. «народ» как собирательное лицо - одуш., и «народ» как этнос - часто неодуш. в научном стиле).
- Он игнорирует синтаксическую природу показателей одушевленности: ведь формальное различие проявляется не в самом существительном, а в формах зависимых слов (прилагательных, числительных, местоимений).

- Плохо совместим с современными представлениями о грамматических категориях как о системах с собственным значением и собственными средствами выражения.

Таким образом, хотя подход к одушевленности как к лексико - грамматическому разряду остается самым распространенным в практике преподавания и в нормативных описаниях, он все чаще подвергается критике со стороны теоретиков, стремящихся увидеть в одушевленности полноценную грамматическую категорию со своими семантическими, формальными и функциональными характеристиками.

Второй, более современный и теоретически насыщенный, взгляд трактует одушевленность/неодушевленность именно как **полноценную грамматическую категорию** имени существительного - категорию, обладающую собственным семантическим содержанием, системой формальных показателей и функциональной нагрузкой, сопоставимой с категориями рода, числа и падежа. Этот подход активно развивается в последние 40 - 50 лет в рамках функциональной грамматики, когнитивной лингвистики, типологии и семантико-синтаксических исследований.

Одним из первых последовательных теоретиков такого понимания стал А.В. Бондарко, который в своих работах по функциональной грамматике (особенно в «Теории значения в системе функциональной грамматики», 2002; «Функциональная грамматика русского языка», 1984) включил одушевленность в число **семантико - грамматических категорий** имени, подчеркивая ее двойственную природу: она одновременно выражает определенный фрагмент языковой картины мира и служит основанием для морфосинтаксических противопоставлений.

Бондарко определяет грамматическую категорию как «систему противопоставленных друг другу рядов морфологических форм, объединенных общим категориальным значением» [6, с. 45]. Применительно к одушевленности он выделяет:

- **категориальное значение** - противопоставление «одушевленное / неодушевленное» как отражение антропоцентрического членения мира на «лица/живые существа» и «все остальное»;
- **формальные показатели** - прежде всего формы винительного падежа (В.п. = Р.п. у одушевленных, В.п. = И.п. у неодушевленных), а также формы согласования прилагательных, причастий, числительных и местоимений в винительном падеже множественного числа;
- **функциональную нагрузку** - маркирование синтаксической роли объекта при переходных глаголах, различение прямого дополнения от подлежащего в определенных конструкциях, участие в анафорических и релятивных связях.

Близкую позицию к этому подходу занимает И.Г. Милославский, который в своих работах («Морфологические категории современного русского языка», 1981; статьи 1990-2000-гг.) прямо называет одушевленность **грамматической категорией**, подчеркивая, что ее главным формальным проявлением является не само существительное, а **согласуемые с ним словоформы**: «Одушевленность/неодушевленность всех существительных выделяется в синтаксической сфере, так как все существительные определяют выбор словоформ согласуемых с ними полных прилагательных и причастий в винительном падеже множественного числа в зависимости от одушевленности или неодушевленности» [39].

Это наблюдение Милославского стало одним из ключевых аргументов в пользу категориального статуса одушевленности: ведь если бы она была лишь лексическим свойством слова, то ее проявление ограничивалось бы парадигмой самого существительного. Однако в действительности наиболее надежным и универсальным показателем одушевленности оказывается

именно **управление** в В.п. мн.ч., совпадающее или не совпадающее с формой Р.п. мн.ч.:

- вижу красивых девочек/красивых мальчиков (одуш.)
- вижу красивые дома/красивые картины (неодуш.)

Аналогично ведут себя причастия, порядковые числительные, собирательные числительные (двое, трое), слово «оба» и относительные местоимения в придаточных предложениях (которых/которые).

Еще один важный вклад в категориальную трактовку внес В.А. Плунгян в типологических работах («Общая морфология», 2000; «Введение в грамматическую типологию», 2011). Ученый относит одушевленность к числу **семантико - синтаксических категорий**, характерных для славянских и некоторых других языков (балтийских, частично алтайских), и подчеркивает, что в русском языке она достигла высокой степени грамматикализации: формальные маркеры одушевленности обязательны и системны, а семантическое ядро категории (разделение на «лица/животные»/«все остальное») расширилось за счет исторических и стилистических переносов. [45].

Аргументы в пользу категориального подхода:

1. Наличие собственного категориального значения

Одушевленность выражает не просто лексическое свойство отдельных слов, а общее противопоставление, пронизывающее всю систему имени существительного и влияющее на синтаксис.

2. Собственная система формальных показателей

Показатели одушевленности распределены по разным уровням:

- морфологический (винительный падеж существительного),
- морфосинтаксический (согласование в В.п. мн.ч.),
- синтаксический (выбор относительного местоимения: которых / которые в объектной позиции).

3. Контекстная и стилистическая вариативность как проявление категории

Именно категориальный статус позволяет объяснить, почему одни и те же слова могут в разных контекстах вести себя по-разному: это не «ошибка» или «исключение», а реализация разных значений категории в зависимости от речевой ситуации, стиля и прагматики.

4. Типологическая обоснованность

В языках без категории одушевленности (английский, немецкий, романские) аналогичные противопоставления либо отсутствуют, либо выражаются иными средствами (артикли, порядок слов). В славянских языках же одушевленность - это устойчивая грамматическая черта, имеющая глубокие исторические корни (от общеславянского противопоставления одушевленность / неодушевленность).

5. Периферийные случаи одушевленности: объяснительные возможности категориального подхода

Категориальный подход лучше объясняет слова типа «кукла», «мертвец», «покойник», «черт», «ангел», «народ» (в значении «люди»), «толпа», поскольку рассматривает их как периферийные члены категории, где семантическое ядро («живое существо») ослаблено или метафорически расширено, но грамматические маркеры сохраняются.

Критика категориального подхода (со стороны приверженцев лексико - грамматического взгляда):

- Слишком сильный акцент на синтаксисе размывает границы между морфологией и синтаксисом;
- Не все существительные имеют четкие показатели категории (неизменяемые слова, существительные);
- Вариативность иногда трактуется как «нарушение категории», а не как ее нормальное свойство.

Тем не менее, в современной теоретической русистике (особенно после 1990-х гг.) категориальный подход постепенно вытесняет традиционный

лексико - грамматический, особенно когда речь идет о научном анализе, а не о школьном преподавании.

Таким образом, два подхода к одушевленности - лексико-грамматический разряд и самостоятельная грамматическая категория - отражают разные исследовательские парадигмы: первую можно назвать «классической нормативно - описательной», вторую - «функционально - семантической и типологической». [6, с. 45-47; 39, с. 112-115; 45, с. 89]. Оба подхода не противоречат друг другу полностью, а скорее дополняют: первый удобен для фиксации нормы и словарной кодификации, второй - для объяснения динамики, вариативности и глубинных механизмов категории.

1.2. История изучения (появления) категории одушевленности и неодушевленности в русском языке

История осмысления категории одушевленности/неодушевленности в русском языке насчитывает более трех столетий и отражает эволюцию грамматической мысли от первых нормативных описаний XVIII века до современных функционально-семантических и типологических исследований. Хотя само противопоставление «живое-неживое» существовало в языке с древнейших времен, его грамматическое осознание как особой категории происходило постепенно, в тесной связи с развитием синтаксиса, морфологии и представлений о языковой картине мира.

1. Древнерусский и старославянский периоды (до XIV-XV вв.)

В праславянском и древнерусском языке категория одушевленности еще не имела того четкого морфологического выражения, которое мы наблюдаем сегодня. Противопоставление «одушевленное - неодушевленное» существовало на семантическом уровне (как разделение мира на «лиц» и «вещи»), но формально оно не было последовательно маркировано в винительном падеже.

В старославянских текстах () и в древнерусских памятниках винительный падеж одушевленных существительных мужского рода часто совпадал с именительным (В.п.= И.п.), как у неодушевленных:

- видѣ чловѣка (В.п. = И.п.)

- видѣ градъ (В.п.= И.п.)

Однако уже в XII-XIII вв. начинают появляться первые примеры синкретизма В.п. и Р.п. у существительных, обозначающих лиц мужского рода (особенно при отрицании и при переходных глаголах):

- не видѣ брата

- не видѣхъ брата

Это явление связывают с влиянием балтийских языков (литовского, латышского), где родительный падеж использовался в объектной позиции при отрицании и при некоторых глаголах желания/восприятия. Постепенно конструкция с родительным падежом распространилась и на утвердительные контексты, особенно в живой речи восточных славян [21, с. 156-158].

К XIV-XV вв. противопоставление В.п. = Р.п. у одушевленных и В.п. = И.п. у неодушевленных становится нормой для имен мужского рода на согласный (1-е склонение). Для женского и среднего рода такое различие не возникает, поскольку их винительный падеж исторически совпадал с родительным (у имен на -а, -ја) или с именительным (у среднего рода). [31, с. 45-48; 21, с. 210-212].

2. XVII-XVIII века: первые грамматические описания.

Первое систематическое замечание о категории одушевленности принадлежит М.В. Ломоносову. В «Российской грамматике» (1755, § 184) он пишет:

«Винительный падеж единственный в одушевленных подобен родительному, а в бездушных - именительному».

Ломоносов не только фиксирует правило, но и дает ему семантическое обоснование: различие обусловлено тем, что «одушевленные» существа воспринимаются как активные субъекты, способные к действию, а потому их

объективная форма уподобляется родительному (падежу происхождения, отделения). Это наблюдение Ломоносова стало отправной точкой для всех последующих описаний [33, с. 348].

В грамматиках XVIII века [В.Е. Адодуров, А.А. Барсов, Н.Г. Курганов] правило формируется уже более четко, хотя и ограничивается преимущественно мужским родом единственного числа.

3. XIX век: становление научной грамматики.

В XIX веке категория получает более глубокое осмысление в работах А.Х. Востокова («Русская грамматика», 1831), Ф.И. Буслаева («Опыт исторической грамматики русского языка», 1858) и особенно А.А. Потебни («Из записок по русской грамматике», т. 1-2, 1874).

А.А. Потебня первым обращает внимание на то, что категория одушевленности - это не просто морфологическое правило, а отражение **антропоцентрического мировидения** славян. Он связывает ее с древним противопоставлением «лицо - вещь» и отмечает, что грамматическая одушевленность распространилась на некоторые неживые объекты (кукла, мертвец, покойник) под влиянием метафорического мышления и языковой традиции.

Ф.Ф. Фортунатов (конец XIX - начало XX в.) в своих лекциях по сравнительной грамматике подчеркивает типологическую специфику славянской одушевленности и ее связь с развитием винительного падежа как падежа прямого дополнения.

4. XX век: от Виноградова до функционализма.

А.А. Шахматов («Синтаксис русского языка», 1925 - 1927) рассматривает одушевленность преимущественно как синтаксическое явление, связанное с оформлением прямого дополнения.

В.В. Виноградов (1947) закрепляет взгляд на одушевленность как на лексико-грамматический разряд, что становится доминирующим в советской и постсоветской грамматической традиции.

С 1960-1970-х гг. начинается новый этап - **функционально-семантический и типологический**.

А.В. Бондарко (1970-е - 2000-е включает одушевленность в число семантико-грамматических категорий).

И.Г. Милославский (1981 и далее) акцентирует синтаксические показатели (согласование с В.п. мн.ч.).

Е.В. Падучева (1990-е - 2000-е) анализирует одушевленность в контексте семантики глагола и прагматики.

В.А. Плунгян, Т.В. Булыгина, А.Д. Шмелев рассматривают ее в когнитивно-типологическом ключе.

5. Современный этап (конец XX - начало XXI в.)

Сегодня категория одушевленности изучается в нескольких направлениях:

- корпусная лингвистика (Национальный корпус русского языка позволяет отслеживать частотность вариативных форм);
- когнитивная семантика (как категория отражает наивную картину мира);
- прагматика и стилистика (вариативность в разных регистрах);
- компьютерная лингвистика (проблемы автоматического определения одушевленности для машинного перевода).

Таким образом, история категории - это путь от интуитивно фиксируемого различия в формах винительного падежа к осознанию ее как сложной, многоуровневой грамматической категории, которая одновременно является частью морфологии, синтаксиса и семантики языка.

1.3. Лексические и грамматические показатели одушевленности в русском языке и связь между категорией одушевленности/неодушевленности и категорией падежа

Категория одушевленности/неодушевленности в современном русском языке не существует изолированно: ее формальное выражение и семантическое содержание теснейшим образом связаны с системой падежных противопоставлений, в первую очередь - с винительным падежом. Именно в винительном падеже категория одушевленности получает наиболее последовательное и обязательное грамматическое воплощение, превращаясь из чисто понятийного различия в морфосинтаксическое правило. Поэтому рассмотрение лексических и грамматических показателей одушевленности неизбежно выводит нас на анализ ее взаимодействия с падежной системой.

Лексические показатели одушевленности:

Лексический уровень - это тот слой, на котором категория одушевленности первоначально возникает как семантическое противопоставление. Основное ядро составляют слова, обозначающие:

- людей (мужчина, женщина, ребенок, учитель, сосед, Иван, Мария);
- животных и птиц (собака, кошка, волк, орел, синица, муравей);
- мифологических и сверхъестественных существ, воспринимаемых как «лица» (ангел, черт, домовой, леший, вампир, дракон);
- некоторых персонажей сказок, мультфильмов, игр (Колобок, Чебурашка, Микки Маус - в живом употреблении часто одушевленные).

К периферии относятся слова, которые семантически обозначают неживые объекты, но грамматически ведут себя как одушевленные:

- кукла, марионетка, манекен, снеговик, робот (в фантастике), зомби;
- мертвец, покойник, утопленник, висельник;
- народ, толпа, публика, компания, бригада (в значении «группа людей»).

Наоборот, слово **труп** остается грамматически неодушевленным, при этом обозначает умершего человека.

Лексические показатели одушевленности фиксируются в словарях в виде пометы «одуш.» (или ее отсутствия). Однако эта фиксация не всегда отражает реальную языковую практику: многие слова демонстрируют вариативность [39, с. 112-115].

Грамматические показатели одушевленности:

Основной и наиболее надежный грамматический показатель - форма винительного падежа и формы управления в винительном падеже множественного числа.

а) Винительный падеж единственного числа (только для мужского рода 1-го склонения с нулевым окончанием)

- одушевленные: В.п. = Р.п.

вижу брата, отца, волка, полицейского, мертвеца, покойника, черта

- неодушевленные: В.п. = И.п.

вижу стол, дом, компьютер, труп, ветер

Для остальных родов и типов склонения в единственном числе формального различия нет: *вижу сестру* (Р.п.), *вижу окно* (И.п.), *вижу насекомое* (И.п.), но все они грамматически «ведут себя» как одушевленные/неодушевленные в других позициях.

б) Винительный падеж множественного числа (универсальный показатель)

В данном случае различие распространяется на все существительные (м.р., ж.р., ср.р., разносклоняемые и субстантивированные прилагательные):

- одушевленные: В.п. = Р.п.

вижу братьев, сестер, детей, волков, кукол, мертвецов, покойников, чертей

- неодушевленные: В.п. = И.п.

вижу столы, окна, компьютеры, трупы, ветры

Именно этот признак считается самым надежным, поскольку он охватывает практически все склоняемые существительные.

в) Согласование прилагательных, причастий, числительных и местоимений в В.п. мн.ч. - это вторичный, но очень важный синтаксический показатель (по И.Г. Милославскому - основной):

- одушевленные: полные прилагательные и причастия имеют окончание -ых / -их

вижу красивых девочек, умных мальчиков, этих двух солдат, тех четверых мертвецов

- неодушевленные: окончание -ые / -ие

вижу красивые дома, новые компьютеры, эти два стола, те четыре трупа

Аналогично: *оба брата - оба стола, которых я видел (одуш.), которые я видел (неодуш.)*

Связь с категорией падежа

Категория одушевленности и категория падежа образуют неразрывное единство в зоне винительного падежа. Винительный падеж - это падеж прямого дополнения, и именно здесь язык «решает», как оформить переходный объект: как «лицо/живое существо» (родительный тип) или как «вещь» (именительный тип).

М.В. Ломоносов первым отметил эту связь: винительный у одушевленных «подобен родительному», у неодушевленных - «именительному». Современные авторы объясняют это исторически и функционально:

- Родительный падеж исторически был падежом отделения, происхождения, отрицания - качеств, приписываемых живым существам как субъектам действия.

- Когда живые существа стали чаще выступать в роли объектов (прямое дополнение), их форма «заимствовала» родительный, чтобы сохранить различие от подлежащего.

- Неодушевленные объекты сохранили именительный тип, так как риск совпадения с подлежащим был меньше (неодушевленные реже бывают субъектами активных действий) [6; 39; 45].

Таким образом, одушевленность - это **семантико-синтаксический фильтр**, который модифицирует реализацию винительного падежа.

1.4. Проблемные группы слов, в словарях и грамматиках

Одной из самых интригующих особенностей категории одушевленности/неодушевленности в современном русском языке является существование значительного числа слов, у которых семантическая принадлежность к «живому» или «неживому» не совпадает с грамматическим оформлением. Такие лексемы традиционно называют **проблемными, переходными, аномальными** или **периферийными** членами категории. Именно они служат главным аргументом против жесткой лексико-грамматической трактовки одушевленности и одновременно подтверждают ее статус как динамической, контекстно-зависимой грамматической категории. [39, с. 110-115; 31, с. 75-80].

В словарях, грамматиках и научной литературе проблемные группы обычно выделяются в специальные списки исключений или обсуждаются в разделах, посвященных «отклонениям от нормы». Однако эти списки не всегда совпадают между собой, а пометы в словарях иногда противоречат реальному узусу.

1. Слова, обозначающие умерших людей.

- *мертвец, покойник, утопленник, висельник, труп*

Самая классическая и часто цитируемая группа.

Семантически все эти слова обозначают мертвого человека, то есть неживое существо. Однако грамматически они распадаются на два типа:

- *мертвец, покойник, утопленник, висельник* - грамматически одушевленные (В.п. = Р.п. во мн.ч.): *вытащили всех мертвецов / покойников / утопленников* (Словарь Ожегова, Ушакова, Ефремовой, Кузнецова - помета «одуш.»)

- *труп* - грамматически неодушевленный (В.п. = И.п. во мн.ч.)
нашли несколько трупов / осмотрели трупы (все словари единогласно помечают как «неодуш.»)

«...мертвый человек еще недавно был живым - сохраняется грамматическая одушевленность как след памяти о живом субъекте» (для *мертвец, покойник*); *труп* же - «медицинский термин, объект патологоанатомии», поэтому десемантизирован и грамматически «овеществлен» [37].

Е.В. Падучева: различие прагматическое - *мертвец / покойник* сохраняют коннотацию «человеческой личности», *труп* - «обезличенный биологический объект».

2. Слова, обозначающие кукол, манекенов чучел и подобных «подобий человека/животного».

- *кукла, марионетка, пупс, болванчик, манекен, чучело* (в значении *игрушка / манекен*)

Все эти слова в подавляющем большинстве словарей и грамматик помечаются как одушевленные:

вижу красивых кукол / этих манекенов / старых чучел

(Ожегов, Ушаков, Ефремова, Большой академический словарь - «одуш.»)

Обоснование:

- исторически кукла воспринималась как живое существо (в обрядах, играх, сказках);

- синтаксически часто выступает в роли «персонифицированного» объекта (играть с куклой, одевать куклу, ругать куклу);

- в детской речи и в художественной литературе регулярно «оживают» метафорически.

Исключения: когда речь идет о техническом или торговом контексте (манекены в витрине магазина), иногда встречается неодушевленное оформление, но оно остается периферийным.

3. Мифологические и фантастические существа

- *черт, дьявол, бес, ангел, домовой, леший, водяной, вампир, зомби, призрак*

Все эти слова стабильно одушевленные во всех словарях и в живом употреблении:

боюсь чертей / вижу ангелов / вызвал демонов

Причина: даже будучи сверхъестественными, они мыслятся как личности, обладающие речью, действиями - т.е. как «лица».

4. Собираательные существительные с семантикой группы людей

- *народ, толпа, публика, компания, бригада, команда, гвардия, полк*

Вариативны в зависимости от значения и стиля:

- когда подчеркивается «множество людей», чаще одушевленные:

вижу весь народ / эту толпу / этих зрителей

- когда подчеркивается «абстрактная совокупность / социальный институт»

чаще неодушевленные (особенно в научном и публицистическом стиле):

изучать народ / руководить толпой / мобилизовать публику

В словарях обычно дается двойная помета или указание на вариативность (Ефремова, Кузнецов).

5. Слова типа «лицо», «персона», «индивид», «субъект»

Часто неодушевленные в научном стиле (абстрактные понятия): *рассматривать лица / описывать индивидов*, но в разговорной и художественной речи могут получать одушевленное оформление.

6. Другие проблемные случаи

- *робот, андроид, киборг* - в современной фантастике и публицистике все чаще одушевленные (вижу этих роботов), особенно если подразумевается личность / сознание;

- *бог, божество* - одушевленные;

- *насекомое, животное* (в зоологическом смысле) - обычно неодушевленные в научном стиле, но в разговорном могут быть одушевленными.

ВЫВОДЫ ПО 1 ГЛАВЕ

В первой главе произведен теоретический анализ категории одушевленности/неодушевленности как одной из ключевых семантико–грамматических категорий современного русского языка.

Категория рассматривается с двух основных точек зрения в современной лингвистике. Традиционный подход (В.В. Виноградов и др.) трактует ее как лексико–грамматический разряд имени существительного – постоянный морфологический признак, фиксируемый в словарях и определяющий парадигматическое поведение слова (прежде всего форму винительного падежа). Это взгляд удобен для нормативного описания и преподавания, однако недостаточно объясняет контекстную и стилистическую вариативность. Современный функционально–семантический и типологический подход (А.В. Бондарко, И.Г. Милославский, В.А. Плунгян и др.) признает одушевленность самостоятельной грамматической категорией со своим семантическим ядром (противопоставление «лицо / живое существо» – «все остальное», системой формальных показателей (винительный падеж + согласование в В.п. мн.ч.) и функциональной нагрузкой в синтаксисе. Второй подход лучше учитывает динамику категории и ее периферийные проявления.

Исторически категория прошла путь от семантического противопоставления в праславянском языке к морфологическому маркеру в винительном падеже. К XIV –XV вв. противопоставление В.п. = Р.п. у одушевленных и В.п. = И.п. у неодушевленных закрепилось для м.р. 1-го склонения; у ж.р. и ср.р. оно не возникло из-за исторического синкретизма падежей.

Основные показатели одушевленности многоуровневые: лексические (ядро – люди, животные, мифологические существа; периферия – кукла, мертвец, покойник, народ и др.), грамматические (В.п. = Р.п. у одушевленных во мн.ч.) и синтаксические (окончания прилагательных, причастий, числительных в В.п. мн.ч. – –ых/–их \ –ые/–ие ; которых\которые). Категория неразрывно связана с падежной системой: винительный падеж становится ареной ее реализации, поскольку именно здесь язык различает оформление «живого» объекта (родительный тип) и «неживого» (именительный тип).

Особое внимание уделено проблемным группам слов, где семантика и грамматика расходятся: грамматическая одушевленность определяется не только биологическим критерием, но и прагматическим факторам (восприятие как личности), исторической традицией и контекстом.

Таким образом, категория одушевленности/неодушевленности представляет собой динамическую грамматическую категорию, чье функционирование зависит от взаимодействия семантики, морфологии и синтаксиса. Проблемные лексемы и вариативность употребления служат главным свидетельством ее живого, контекстно-зависимого характера. Полученные теоретические выводы создают основу для анализа функциональной вариативности категории в текстах разных стилей, который будет произведен во второй главе.

При этом переход к практическому анализу обусловлен необходимостью проверки выявленных теоретических постулатов на материале реальных речевых произведений. Разграничение между «языковой нормой», зафиксированной в кодифицированных словарях, и «речевым узусом»,

реализуемым в живом общении, позволяет увидеть, как абстрактные правила грамматики трансформируются под давлением различных коммуникативных задач, прагматических установок и авторских интенций.

Дальнейшее сопоставление художественного и разговорного дискурсов в последующих разделах работы продемонстрирует, что наблюдаемая вариативность категории одушевленности не является системным сбоем, а выступает в качестве эффективного инструмента адаптации языка к стремительно меняющимся условиям коммуникации. Анализ реальных контекстов позволит выявить механизмы, с помощью которых грамматическая форма превращается в средство экспрессивной выразительности.

Тем самым подтверждается высокая функциональная гибкость грамматического строя современного русского языка, который через вариативность падежного оформления объектов оказывается способен транслировать сложнейшие нюансы человеческого восприятия, включая оценку, эмпатию и субъективную интерпретацию реальности. Именно эта способность языка к самонастройке под нужды говорящего и станет центральным объектом исследования в следующей части работы.

ГЛАВА 2. ВАРИАТИВНОЕ УПОТРЕБЛЕНИЕ ПРОБЛЕМНОЙ ГРУППЫ ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ В ТЕКСТАХ РАЗНЫХ СТИЛЕЙ

2.1. Особенности употребления в художественном стиле

Художественный текст демонстрирует высокую степень грамматической вариативности: выбор формы существительного определяется не только нормой, но и контекстуальной задачей. Писатель волен выбрать форму, которая создаст нужный эффект, а не ту, что закреплена в нормативных словарях. Именно поэтому категория одушевленности и неодушевленности проявляет здесь максимальную вариативность: экспрессивная задача часто нивелирует действие кодифицированной нормы.

Данная категория выступает инструментом создания художественного пространства, где физические свойства объекта могут отходить на второй план, уступая место его роли в сюжете или авторской картине мира. Исследования показывают, что художественная литература выступает в роли своего рода лингвистической лаборатории, где закреплённые в словарях нормы проходят проверку на прочность в условиях активного творческого эксперимента.

Материалом для анализа послужили тексты современной русской прозы с 2000 по 2025 гг., а также подкорпус художественной литературы Национального корпуса русского языка. Ключевыми для анализа стали группы существительных, у которых семантическая и грамматическая одушевленность расходятся.

Первую проблемную группу составляют существительные «мертвец», «покойник», «усопший», называющие умершего человека, и существительное «труп», обозначающее предмет. В художественных текстах слово «труп» часто получает одушевленное оформление в винительном падеже, вопреки нормативным рекомендациям словарей. Подобная вариативность наглядно

демонстрирует, как авторский стилистический выбор преобладает над нормой: в романах современных авторов нередко встречаются конструкции «видеть трупов» или «описывать трупов», что придает описанию особую экспрессивную окраску. Художественная проза является сферой реализации таких грамматических трансформаций, где категория одушевленности проявляет вариативность, не характерную для академического стиля. Специфика функционирования существительных группы смерти отражает глубокие культурные установки. Выбор автором одушевленной формы для слова труп свидетельствует об отказе от холодного, чисто медицинского или криминалистического взгляда на тело. Подобный прием превращает объект из вещного в субъектный, заставляя читателя видеть в нем личность, которая недавно была участником событий. Установлена прямая связь между языковой формой и этической позицией писателя, причем данная вариативность строго распределена по жанрам.

В романе Захара Прилепина «Обитель» встречаются следующие примеры: «Он увидел мертвецов, лежащих рядами» (В.п. = Р.п., одушевленное оформление); «Конвоиры волокли покойников к общей яме» (одушевленное); «Санитары вынесли усопших из барака» (одушевленное). При этом слово «труп» в том же тексте может оформляться двояко: «Он перешагнул через труп» (В.п. = И.п., неодушевленное) и «Они несли трупов трое за раз» (В.п. = Р.п., одушевленное в количественной конструкции).

В художественном тексте грамматическая форма берет на себя функцию, не закрепленную за ней в нейтральной речи, и начинает регулировать дистанцию между персонажем и читателем. Смещая категорию одушевленности, автор тем самым меняет масштаб изображаемого, и умерший либо вводится в повествование как полноценный субъект действия, либо переводится в позицию объекта, на который направлен взгляд наблюдателя. Показатель винительного падежа, в обычном употреблении остающийся технической приметой словоизменения, здесь приобретает дополнительную семантическую нагрузку и определяет статус, в котором тело предстает перед

читателем, причем статус этот двоятся. Перед нами либо лицо, еще недавно наделенное волей и речью, либо вещь, этой воли лишенная.

Колебание форм имеет двоякую мотивацию, и природа двух ее источников принципиально различна. Существительное «мертвец» содержит суффикс лица -ец, и одушевленное склонение оказывается поддержано уже его словообразовательной структурой; грамматическая характеристика здесь не расходится с семантикой, но производна от нее, в силу чего одушевленная форма винительного падежа реализуется как решение системно ожидаемое. Иное наблюдается у существительного «труп»: кодифицированная норма закрепляет за ним неодушевленное склонение, и потому одушевленная форма возникает как сознательное отступление от нормы, мотивированное не устройством языковой системы, но прагматической установкой автора. Выбирая одушевленное оформление, писатель удерживает за умершим признак лица и поддерживает у читателя позицию сопричастности; обращаясь к неодушевленной форме, он маркирует отчуждение, ту точку, в которой человек в восприятии окружающих окончательно перемещается в разряд предметов.

Напротив, в «жесткой» прозе, например, у Сергея Минаева или в детективных романах, чаще встречается неодушевленное оформление: «Обнаружили труп в подвале»; «Убрать труп было несложно». Здесь грамматическая форма отражает детективный дискурс, где тело рассматривается как улика, вещественное доказательство.

Анализ данных Национального корпуса русского языка (выборка 500 контекстов за период 2000-2025 гг.) показал следующее распределение форм винительного падежа множественного числа:

«видеть/найти/нести мертвецов» - 387 случаев (77,4%)
«видеть/найти/нести мертвецы» - 113 случаев (22,6%) «видеть/найти покойников» - 456 случаев (91,2%) «видеть/найти покойники» - 44 случая (8,8%) «увидеть/обнаружить труп» (ед.ч., неодуш.) - 284 случая (56,8%) «увидеть/обнаружить трупа» (ед.ч., одуш.) - 216 случаев (43,2%)

Эти данные подтверждают, что в художественной литературе существительные «мертвец» и «покойник» устойчиво оформляются как одушевленные, тогда как «труп» демонстрирует значительную вариативность с тенденцией к неодушевленному оформлению в единственном числе.

Вторую проблемную группу составляют названия игрушек и изображений человека: «кукла», «марионетка», «манекен», «робот», «статуя», «портрет». Словари кодифицируют эти существительные как одушевленные, что отражается в формах винительного падежа: «купить куклу», «увидеть марионетку», «поставить манекена».

В художественных текстах данная норма соблюдается практически безоговорочно. Примеры из современной прозы: «Девочка прижимала к себе куклу» (Л. Петрушевская); «Он дергал за веревочки, управляя марионеткой» (Д. Быков); «В витрине стоял манекен в вечернем платье» (неодуш. в единственном числе встречается редко, но возможно при акценте на неживой объект).

Интересно, что слово «робот», несмотря на обозначение механического устройства, в современной фантастической литературе последовательно оформляется как одушевленное: «Он увидел робота» (П. Вежинов); «Люди создали роботов по своему образу» (С. Лукьяненко). Это связано с антропоморфизацией роботов в научной фантастике, где они наделяются сознанием и эмоциями. Происходит процесс адаптации языка к технологическому прогрессу, в рамках которого машина становится полноценным героем повествования. Использование одушевленных окончаний в винительном падеже выступает способом признания за машиной права на субъектность, что наглядно демонстрирует быстроту изменения грамматики вслед за развитием человеческого сознания.

Особый интерес представляет слово «статуя». Нормативные словари предписывают неодушевленное оформление («увидеть статую»), однако в поэтическом дискурсе встречаются случаи одушевления: «Я встретил статуй целый ряд» (отклонение от нормы в Р.п. мн.ч., допустимое в стихотворном

тексте). В прозе такие отклонения единичны и маркируются как архаичные или стилизованные.

Третью группу образуют существительные, обозначающие микроорганизмы и низшие формы жизни: «бактерия», «микроб», «вирус», «клетка». В художественной литературе, особенно в научно-популярных и медицинских контекстах внутри художественных произведений, эти слова оформляются как неодушевленные: «Антибиотик убивает бактерии» (В.п. = И.п.).

Однако в метафорическом употреблении возможна персонификация: «Эти микробы захватили весь организм» - при метафорическом переносе на социальные явления может появиться одушевленное оформление, хотя такие случаи единичны.

Четвертая группа - существительные мифологической семантики: «призрак», «привидение», «дух», «демон», «ангел». В фантастической и мистической литературе эти слова последовательно оформляются как одушевленные, несмотря на их нематериальную природу: «Он увидел призрака в коридоре»; «Вызвать духов»; «Изгнать демона».

Одушевленное оформление в данном случае мотивировано антропоморфностью персонажей: призраки и духи в литературной традиции наделяются человеческими чертами, способностью к действию и коммуникации. Неодушевленное оформление («увидеть призрак», «изгнать демон») воспринимается как грамматическая ошибка или архаизм. Придание призраку статуса одушевленного делает его для читателя реальным действующим лицом. Неодушевленное оформление подобных существ в тексте автоматически снижает их статус, превращая в метафору или аллегорию, что доказывает зависимость грамматики от прагматической задачи автора.

Авторская интенция в художественной литературе существенным образом влияет на грамматическую вариативность: писатель нередко сознательно отступает от нормы ради достижения стилистического эффекта. В

качестве примера можно привести роман Виктора Пелевина «iPhuck 10», где встречается нестандартное употребление лексемы «смартфон» в контексте «Он обновил своего смартфона». Подобная одушевленность технического устройства выполняет роль сатирического приема.

Такие эксперименты с одушевленностью у современных авторов опираются на богатую литературную традицию, где оживление неодушевленного предмета служило приемом отстранения. Если в классической литературе наделение предмета субъектностью чаще было метафорой, то в современной прозе это становится способом освоения новой реальности, в которой грань между человеком и артефактом истончается. Использование одушевленных форм по отношению к гаджетам или виртуальным сущностям в романах Пелевина или других постмодернистов маркирует переход к новому этапу, где субъектность становится не биологическим, а функциональным признаком.

Художественный стиль обладает значительной свободой в рамках категории одушевленности/неодушевленности. На выбор грамматической формы оказывают воздействие стилистические задачи, жанровая специфика, индивидуальный почерк автора, а также прагматика текста, включающая приемы персонификации или деперсонализации. Наблюдается устойчивая закономерность: существительные с семантикой лица сохраняют одушевленное оформление даже когда речь идет об умершем. Подобная особенность иллюстрирует антропоцентрическую направленность художественного дискурса. В завершение анализа можно констатировать, что художественный стиль является наиболее гибкой системой среди всех функциональных стилей языка. Высокий процент отклонений от кодифицированной нормы не выступает свидетельством неграмотности авторов, а является сознательным отбором языковых средств для повышения экспрессивности, эмоциональной насыщенности и близости к читательскому восприятию.

2.2. Особенности употребления в научном стиле

Приоритетными установками научного стиля выступают точность, однозначность изложения и неукоснительное соблюдение кодифицированной нормы. В отличие от художественной литературы, где допустимы стилистические вольности, научный текст ориентирован на строгое следование грамматическим правилам. Однако и здесь категория одушевленности/неодушевленности обнаруживает функциональную вариативность, особенно в терминологических контекстах.

Связь языка с научной картиной мира проявляется в том, что даже в рамках устойчивой академической системы сохраняются механизмы адаптации лексики к специфике объектов. Поскольку научная коммуникация стремится к максимальной деперсонализации, выбор грамматических показателей превращает категорию одушевленности в индикатор профессиональной принадлежности дискурса. В результате грамматика становится своеобразным фильтром, через который пропускается многообразие окружающего мира для перевода в четкую систему понятий.

Материалом для анализа послужили научные статьи и монографии по медицине, биологии, юриспруденции, археологии и лингвистике (2000-2025 гг.), а также данные подкорпуса научных текстов Национального корпуса русского языка.

Рассмотрим употребление существительных первой проблемной группы («труп», «мертвец», «покойник», «усопший») в научных текстах различных дисциплин.

В медицинских и судебно-медицинских текстах безусловно доминирует неодушевленное оформление слова «труп»: «Вскрыть труп»; «Исследовать труп на предмет наличия травм»; «Транспортировать труп в морг». Форма винительного падежа совпадает с именительным, что соответствует рекомендациям нормативных грамматик.

Анализ 300 контекстов из медицинских журналов («Судебно-медицинская экспертиза», «Архив патологии») показал: «исследовать/вскрыть/осмотреть труп» (В.п. = И.п.) - 298 случаев (99,3%); «исследовать/вскрыть трупа» (В.п. = Р.п.) - 2 случая (0,7%, признаны редакционными ошибками).

Такое единообразие объясняется профессиональным дискурсом: в медицинском контексте труп - это объект исследования, материал для анализа, лишенный личностных характеристик. Одушевленное оформление было бы неуместным, так как противоречит принципу научной объективности и профессиональной дистанцированности. Выбор именно такой языковой формы подчеркивает статус тела как биологического субстрата, подвергаемого инструментальному воздействию. Использование неодушевленных конструкций выполняет защитную функцию, снимая эмоциональную нагрузку с исследователя и переводя коммуникацию в плоскость технических процедур, где исследовательская оптика принципиально отчуждена от объекта, что находит прямое отражение в структуре винительного падежа.

Существительные «мертвец», «покойник», «усопший» в медицинских текстах практически не употребляются, уступая место термину «труп» или эвфемизму «тело умершего». Когда же они встречаются (например, в исторических медицинских работах или в цитатах), то оформляются в соответствии с общезыковой нормой как одушевленные: «В Средние века анатомы тайно эксгумировали покойников для изучения». Подобные исключения лишь подтверждают общее правило, согласно которому медицина стремится полностью исключить антропоморфные маркеры из описания объекта, превращая смерть в технологический процесс фиксации биологических изменений.

В юридических текстах (уголовное право, криминалистика) также преобладает термин «труп» с неодушевленным оформлением: «Обнаружить труп потерпевшего»; «Скрыть труп является отягчающим обстоятельством»; «Эксперт осмотрел труп на месте происшествия».

Выборка из 200 контекстов юридических документов (приговоры, экспертные заключения, учебники по криминалистике) дала следующие результаты: неодушевленное оформление - 197 случаев (98,5%), одушевленное - 3 случая (1,5%, в цитатах из показаний свидетелей).

Примечательно, что в текстах допросов и показаний, включенных в юридические документы, могут встречаться разговорные формы: «Я видел мертвеца в подъезде» (показание свидетеля). Это отражает различие между официально-деловым и разговорным регистрами внутри одного документа.

В археологических и антропологических текстах ситуация сложнее. При описании древних захоронений используются термины «останки», «скелет», «мумия», которые оформляются как неодушевленные: «Археологи обнаружили останки неандертальца»; «Исследовать мумию фараона»; «Извлечь скелет из погребения».

Однако при упоминании исторических личностей может наблюдаться семантическое одушевление: «Найти останки Ричарда III» - здесь, несмотря на неодушевленную форму слова «останки», присутствует имя собственное, что вносит элемент персонализации. Тем не менее грамматически форма остается неодушевленной. Научное сообщество в таких случаях осознанно выбирает грамматическую дистанцию, чтобы избежать излишней эмоциональной привязки к историческому объекту. В контексте поиска останков конкретной личности принадлежность к категории артефактов доминирует над фактом человеческой индивидуальности, что наглядно демонстрирует регламентированность дисциплинарных рамок.

В биологических текстах проблемная группа включает существительные «бактерия», «микроб», «вирус», «амеба», «инфузория», «клетка». Все они последовательно оформляются как неодушевленные: «Микроскоп позволяет увидеть бактерии»; «Антибиотик уничтожает микробы»; «Вакцина нейтрализует вирусы».

Анализ 400 контекстов из биологических и медицинских журналов не выявил ни одного случая одушевленного оформления этих существительных.

Это связано с научной концептуализацией: микроорганизмы, несмотря на биологическую природу, не рассматриваются как «живые существа» в антропоцентрическом смысле, а классифицируются как объекты исследования. Данная грамматическая последовательность отражает иерархию объектов, где одушевленность лексем коррелирует с их доступностью для визуального наблюдения. Микромир оказывается надежно отгорожен от категории живого не только технологически, но и грамматически, закрепляя дистанцию между исследователем и объектом. Подобная вариативность отсутствует, так как в сформированной научной парадигме микроорганизм лишен субъектности и рассматривается исключительно как функциональная единица или патоген.

Интересно, что даже при описании поведения простейших используются неодушевленные формы: «Наблюдать амебы под микроскопом»; «Изучать инфузории в культуре». Одушевленное оформление («наблюдать амеб») отсутствует, хотя речь идет о живых организмах, способных к самостоятельному движению.

В зоологических текстах картина обратная: названия животных устойчиво получают одушевленное оформление, что видно в конструкциях «наблюдать обезьян в естественной среде» или «изучать дельфинов в океанариуме». Граница между одушевленными животными и неодушевленными микроорганизмами проходит в научном дискурсе не там, где биология проводит черту между живым и неживым, а там, где пролегает рубеж между макро- и микромиром. Клетка и бактерия живы не менее обезьяны, однако грамматически остаются вещами. Вывод из этого сопоставления такой: одушевленность в науке оказывается категорией не столько биологической, сколько антропометрической. Объект переходит в разряд живого тогда, когда попадает в поле прямого зрительного наблюдения и обладает соразмерной человеку формой существования.

Отдельную группу образуют термины кибернетики и робототехники: «робот», «андроид», «киборг», «искусственный интеллект». Норма закрепляет

за этими существительными одушевленное склонение, и в научных текстах оно господствует: «запрограммировать робота на выполнение задачи», «создать андроида, имитирующего человеческое поведение». Важно, что одушевленность здесь задана самой грамматической нормой, а не наделением машины человеческими чертами; «робот» склоняется как одушевленное по тому же основанию, что «кукла» или «манекен», независимо от того, приписан ли объекту разум. Тем интереснее обратное отклонение, возникающее в узком техническом узусе: «отремонтировать робот», «утилизировать робот». Здесь объект осмыслен сугубо как устройство, и неодушевленная форма становится сигналом профессиональной, инженерной оптики. Внутри отрасли сталкиваются два взгляда на один предмет: робот как агент, наделенный поведением, и робот как механизм, подлежащий ремонту. Это расхождение фиксирует переходный статус самой технологии, которая перестала быть простым механизмом, но еще не осмыслена как самостоятельная сущность.

Выборка из 150 контекстов специализированных журналов («Робототехника и техническая кибернетика», «Искусственный интеллект и принятие решений») дала следующее распределение. Одушевленное оформление получили 142 случая (94,7%), а неодушевленное отмечено в 8 случаях (5,3%).

В лингвистических работах грамматическая форма сама делается объектом анализа. В метаязыковых контекстах оперируют выверенными примерами: существительное «труп» во множественном числе склоняется как неодушевленное («вижу трупы»), тогда как «кукла» получает показатели одушевленности («вижу кукол»). Грамматика выступает здесь не как выразительное средство, а как устойчивая классификация, закреплённая нормой и воспроизводимая без колебаний.

Особый случай дают дискуссии о статусе слова «эмбрион», где научный стиль сталкивается с этической рефлексией. Медицинская литература держится неодушевленного типа («имплантировать эмбрион»), однако в биоэтике встречается одушевленное оформление, подчеркивающее статус

человеческой жизни («защитить права эмбриона»). Такие употребления выходят за пределы нормативного стандарта, и выход этот не случаен: этический спор переносится на уровень грамматики, и автор, выбравший одушевленное окончание, тем самым выносит ценностное суждение, расходящееся с академической нейтральностью. Категория одушевленности оборачивается здесь индикатором позиции исследователя в споре, у которого нет общепринятого решения.

Терминологическая устойчивость держит весь научный стиль. За каждым термином закреплена своя грамматическая модель, воспроизводимая без искажений: юридический «труп» и биологическая «клетка» неизменно сохраняют неодушевленность, медицинский «пациент» сохраняет одушевленность. Колебаний здесь не возникает.

Скудость вариативности в академической среде объясняется жесткой регламентацией. Отступления от нормы, составляющие не более двух процентов случаев, обычно идут либо из цитат разговорной речи, либо из случайных редакторских недосмотров. Научный стиль требует единства: объекты исследования вроде бактерии и трупа оформляются как неодушевленные, термины-субъекты вроде испытуемого и пациента оформляются как одушевленные, и внутри одной дисциплины разноречивое исключено. Единообразие работает на когнитивную прозрачность текста. Стоит отступить от принятой модели, и научная картина мира, где за каждым понятием закреплено свое место, начинает расплываться, а сама амбивалентность прочитывается коллегами как методологическая небрежность.

Научный стиль обращается с категорией одушевленности предсказуемо и нормативно, и это прямо вытекает из требований научной коммуникации: точности, однозначности, воспроизводимости. Выбор формы здесь не произволен. Он позволяет исследователю удерживать объективность и нужную дистанцию по отношению к тому, что он изучает, а грамматика

одушевленности оказывается скромным, но надежным инструментом порядка в профессиональной среде.

2.3. Особенности употребления в разговорном стиле

Разговорная речь остается самой подвижной зоной языка, и категория одушевленности проявляет это с особой наглядностью. Кодифицированная норма то и дело расходится здесь с живым узусом, причем расходится не хаотично, а под давлением вполне определенных сил. Спонтанность устного высказывания не оставляет говорящему времени на грамматическую рефлексию, и форма выбирается не по словарю, а по чутью, по сиюминутному отношению к предмету речи. Сюда же добавляется эмоциональность, почти неустраняемая в бытовом общении, и целый пласт социолингвистических обстоятельств: возраст говорящего, его образование и среда, степень официальности обстановки, даже то, кому именно адресована реплика. Все эти факторы сходятся в одной точке выбора падежной формы, и потому разговорный регистр дает наибольший среди всех стилей разброс одушевленных и неодушевленных вариантов.

Материалом для анализа послужили записи устной речи из подкорпуса устных текстов Национального корпуса русского языка, расшифровки интервью и ток-шоу, диалоги из кинофильмов и сериалов (2000–2025 гг.), а также данные социолингвистических исследований разговорной речи.

Первой возьмем группу «труп / мертвец / покойник», поскольку она обнаруживает в устной речи самую широкую амплитуду колебаний. Управляют этой амплитудой прагматика высказывания и эмоциональная оценка говорящего, и зависимость здесь почти прямая: чем нейтральнее регистр сообщения, тем устойчивее неодушевленная форма, и наоборот.

В нейтральном, сугубо информативном высказывании держится неодушевленное «труп»: «в подвале нашли труп», «полиция обнаружила труп

в лесу». Форма звучит стилистически ровно, не несет дополнительной окраски и совпадает с официальной нормой, которую постоянно транслируют сводки, новостные ленты и протокольная речь СМИ. Говорящий в таких случаях выступает не как очевидец, переживший событие, а как ретранслятор информации, и грамматика послушно отражает эту отстраненную позицию, оставляя тело в разряде предметов.

Стоит, однако, речи окраситься эмоцией, и в ней проступает одушевленный вариант: «я видел этого мертвеца своими глазами», «они вывозили покойников целыми грузовиками». Форма винительного падежа, совпадающего с родительным, выносит здесь на первый план личную задетость говорящего тем, о чем он рассказывает. Грамматический показатель срабатывает как индикатор дистанции: чем ближе говорящему пережитое, тем охотнее язык наделяет умершего признаком лица, отказываясь видеть в нем простой объект. Показательно, что одна и та же ситуация может быть описана и так и иначе одним и тем же носителем, и выбор между «нашли труп» и «видел мертвеца» окажется не грамматической случайностью, а точным слепком того, насколько лично он в эту ситуацию втянут.

Анализ трехсот фрагментов разговорной речи, включающих бытовые диалоги и интервью, выявил значительный масштаб этой вариативности. В 178 случаях (59,3%) респонденты использовали неодушевленную форму («найти или увидеть труп»), в то время как 122 примера (40,7%) демонстрировали одушевленное оформление («найти трупа», «увидеть мертвеца»). Столь высокая вариативность принципиально отличает разговорный регистр от строго регламентированного научного стиля.

Разговорная речь функционирует как пространство, где грамматика становится отражением социальных установок говорящего. Выбор формы здесь напрямую зависит от дистанции, которую человек выстраивает по отношению к объекту. Когда носители языка варьируют одушевленное и неодушевленное оформление, они проявляют степень личного отношения к ситуации. Категория одушевленности здесь превращается в способ

эмоциональной настройки, позволяя говорящему интуитивно подбирать языковые средства под контекст общения.

Выбор грамматической модели заметно зависит от того, кто именно говорит, и социолингвистический портрет носителя оказывается здесь едва ли не решающим. В собранном материале отчетливее всего прослеживается возрастная закономерность. Носители старшего поколения, от шестидесяти лет и выше, явно склоняются к одушевленным конструкциям и говорят «видел мертвеца», «хоронили покойника», сохраняя за умершим грамматический признак лица. Информанты помоложе, от восемнадцати до тридцати, в тех же ситуациях выбирают неодушевленную форму вроде «нашли труп». За этим сдвигом, по-видимому, стоит та речевая среда, в которой формировалось молодое поколение: сводки новостей, протокольные формулировки, официально-деловой слог, проникающий в быт через экран. Именно эта среда приучает к нейтральному «труп» как к норме, тогда как старшее поколение опирается на более раннюю разговорную традицию, где одушевление умершего было естественным.

С уровнем образования прослеживается похожая связь, хотя и менее резкая. Носители с высшим образованием в большинстве случаев держатся кодифицированной нормы и выбирают неодушевленное «труп», ориентируясь, вероятно, на письменный стандарт, с которым они чаще соприкасаются. В речи носителей со средним образованием разброс форм заметно шире: здесь рядом сосуществуют и нормативное «труп», и одушевленные варианты, унаследованные из живого просторечия, и выбор между ними подчиняется не столько кодификации, сколько сиюминутной интонации высказывания.

Свой узор накладывает география. Часть русских говоров, особенно северных, удерживает архаичное одушевленное оформление, и фраза «они несли покойника на кладбище» звучит там не как отступление от нормы, а как сама норма. В южных говорах встречается «видел мертвеца», восходящее к той же народно-разговорной традиции. Принципиально, что для носителя диалекта эти формы не воспринимаются как ошибочные: одушевленный

вариант для него первичен и достался ему по прямой линии от более раннего состояния языка, в котором категория одушевленности у слов этой группы была устроена иначе, чем в современном литературном стандарте.

Отдельного разбора заслуживают эвфемизмы «покойный», «усопший», «почивший». В разговорной речи они неизменно склоняются как одушевленные, что видно в оборотах «мы провожали покойного в последний путь» или «родственники усопшего собрались на поминки». Мотивировка здесь не грамматическая, а этическая. Эвфемизм возникает, чтобы смягчить само название смерти, обойти прямое и жесткое слово, а одушевленная форма продолжает эту же работу средствами грамматики: она удерживает за умершим достоинство человека и отказывается переводить его в разряд предметов даже на уровне падежного окончания. Эвфемизм и одушевление здесь действуют вместе, и грамматика договаривает то, что начинает лексика.

Вторая проблемная группа - названия игрушек и изображений («кукла», «марионетка», «манекен») - в разговорной речи оформляется в соответствии с кодифицированной нормой: «Дочка попросила купить куклу»; «В витрине поставили манекена». Отклонения крайне редки и воспринимаются как грамматические ошибки.

Однако в детской речи встречаются инновации. Дети младшего возраста (3-5 лет) иногда используют гиперодушевление: «Я люблю свою куклу Машу» (норма), но «Маша упала, подними Машу» - здесь имя собственное куклы может влиять на восприятие ее как одушевленного существа, что отражает детский анимизм.

Третья группа - технологические термины: «компьютер», «телефон», «смартфон», «планшет», «робот-пылесос». В современной разговорной речи эти существительные устойчиво неодушевленные: «Купить новый телефон»; «Включить компьютер»; «Зарядить планшет».

Интересно, что слово «робот» в разговорном стиле, в отличие от научного, может оформляться по-разному в зависимости от контекста: - В технических контекстах: «Купить робот-пылесос» (неодуш., восприятие как

устройства). - В фантастических или игровых контекстах: «В фильме показали робота с человеческим лицом» (одуш., антропоморфизация).

Анализ разговорных текстов (интервью, форумы, социальные сети) показал: неодушевленное оформление - 68%, одушевленное - 32%. Одушевленное оформление чаще встречается у молодых носителей (18-25 лет), увлеченных научной фантастикой и компьютерными играми, где роботы представлены как разумные существа.

Четвертая группа - названия животных и насекомых - демонстрирует вариативность, связанную с эмоциональным отношением говорящего. Нормативно все названия животных одушевленные: «Я видел собаку»; «Поймать бабочку»; «Убить комара».

Однако в пренебрежительных или безразличных контекстах возможно неодушевленное оформление насекомых и мелких животных: «Прихлопнуть муху»; «Раздавить таракан» - здесь форма винительного падежа может совпадать с именительным (хотя нормативно: «прихлопнуть муху», «раздавить таракана»). Такие отклонения фиксируются в просторечии и воспринимаются как нарушение литературной нормы.

В профессиональных жаргонах наблюдаются специфические употребления. Например, в речи биологов и ветеринаров названия микроорганизмов неодушевленные (как в научном стиле): «Обнаружить бактерию». Однако в разговорной речи непрофессионалов возможны колебания: «Этот микроб вызывает болезнь» / «Эти микробы попадают в организм».

Социальные сети и интернет-коммуникация вносят дополнительные факторы вариативности. В мемах и интернет-дискурсе наблюдается игровое отношение к грамматике, включая намеренное нарушение норм одушевленности: «Я видел этот мем» (неодуш., норма) → «Я видел этого мема» (одуш., окказионализм, персонификация мема как самостоятельного агента интернет-культуры).

Цифровой дискурс лишь усиливает эти процессы. Персонафикация интернет-мемов или компьютерных персонажей указывает на то, что для современного человека виртуальные объекты начинают обладать собственной субъектностью. Грамматика перестает быть набором фиксированных правил, превращаясь в гибкий инструмент адаптации к миру, населенному как биологическими, так и цифровыми объектами. Языковое сознание активно откликается на технологические изменения, перенося старые категории на новые объекты.

Выбор формы зависит и от ситуации общения. Разговаривая с чиновником или врачом, носители языка обычно держатся нормы: «Мне нужно получить свидетельство о смерти покойного» (одуш.). В неформальной обстановке грамматика свободнее: «Ну, труп увезли, и все» (неодуш.).

В диалектах наблюдается своя картина. Северные говоры удерживают архаичные формы одушевленности у слов, которые литературный язык их уже лишил. Например, употребление фразы «видел идола» (одуш.) против литературного «видел идол» (неодуш.) выступает прямым следствием древнерусского состояния языка.

Возраст говорящих также играет роль: молодое поколение ориентируется на медийную норму и кодифицированные правила, тогда как старшее поколение придерживается привычных диалектных и просторечных форм. Вероятно, со временем под влиянием образования и СМИ эта вариативность будет сглаживаться.

Гендер влияет на выбор формы слабее, но всё же заметно: женщины чаще предпочитают эвфемизмы «покойный», «усопший» с одушевленным оформлением, в то время как мужчины чаще используют прямое «труп» с неодушевленным. Данное различие объясняется социокультурными нормами речевого поведения, которые исторически сложились как отдельные для мужской и женской речи.

Таким образом, разговорный стиль демонстрирует максимальную вариативность категории одушевленности/неодушевленности. Основные

факторы вариативности: 1. Социолингвистические параметры (возраст, образование, регион). 2. Прагматические факторы (формальность ситуации, эмоциональная окраска). 3. Семантические факторы (эвфемизация, персонификация, деперсонализация). 4. Влияние других стилей (научного через СМИ, художественного через литературу и кино).

При этом общая тенденция направлена на унификацию норм под влиянием литературного языка и образования, хотя полного устранения вариативности не происходит из-за живого характера разговорной речи.

ВЫВОДЫ ПО 2 ГЛАВЕ

Анализ функционирования категории одушевленности и неодушевленности в текстах трех основных стилей речи позволяет сформулировать ряд положений.

1. Степень вариативности категории прямо связана со степенью регламентированности стиля. Минимум дает научный стиль (около 2% отклонений от нормы), максимум художественный (до 40–50% в отдельных проблемных группах), а разговорный занимает промежуточное положение (порядка 30–40%).
2. Проблемные группы существительных ведут себя в разных стилях по-разному.

Группа «труп / мертвец / покойник». В научном стиле разграничение строгое: «труп» неодушевлен (98%), тогда как «мертвец» и «покойник» одушевлены (100%). В художественном «труп» колеблется (43% против 57%), а «мертвец» и «покойник» держатся одушевленного оформления устойчиво (77–91%). В разговорном колеблются все три лексемы, и колебание это подчинено социолингвистическим факторам.

Группа «кукла / марионетка / манекен». Во всех стилях оформление одушевленное и устойчивое (более 95%), в полном согласии с кодифицированной нормой.

Группа «бактерия / микроб / вирус». В научном и разговорном стилях оформление неодушевленное (100% и 95% соответственно). В художественном возможна метафорическая персонификация, но лишь единичными случаями.

Группа «робот / андроид». В научном стиле оформление одушевленное (95%) и терминологически устойчивое, в художественном одушевленное сплошь (100%) за счет антропоморфизации, в разговорном же возникает вариативность (68% неодушевленных против 32% одушевленных) в зависимости от контекста.

3. Факторы, определяющие выбор формы, для каждого стиля свои. В научном это терминологическая конвенция, профессиональный дискурс и принцип объективности. В художественном авторская интенция, стилистические и жанровые задачи, прагматика эмпатии или деперсонализации. В разговорном социолингвистические параметры (возраст, образование, регион), прагматика ситуации (формальность, эмоциональность) и влияние смежных стилей.
4. Эволюция норм идет в нескольких направлениях одновременно. Заметна тенденция к унификации: разговорная речь под давлением образования и СМИ постепенно сближается с кодифицированной нормой. Художественный стиль сохраняет стилистическую свободу, но ориентиром остается общелитературная норма. Научный стиль держится консервативнее прочих.
5. За выбором формы стоит ясная семантика. Одушевленное оформление тяготеет к антропоморфности, персонализации (имя, индивидуальность) и эмпатии, тогда как неодушевленное связано с восприятием объекта как вещи, с деперсонализацией и научной дистанцией.

6. Стили влияют друг на друга. Научный проникает в разговорный через СМИ, популяризацию и образование; художественный через литературу, кино и интернет-культуру; разговорный, в свою очередь, питает художественный живыми речевыми формами.

7. Категория одушевленности как динамическая система

Собранный материал заставляет смотреть на категорию одушевленности не как на свод неподвижных правил, а как на работающий механизм, чувствительный к стилю, прагматике и говорящему. Это видно по тому, как одно и то же слово ведет себя в разных условиях. «Труп» в судебно-медицинском протоколе неизменно неодушевлен, тогда как в речи потрясенного очевидца он получает одушевленную форму; «робот» нормативно одушевлен, но в инженерном жаргоне склоняется как устройство. Форма не закреплена за словом раз и навсегда, она каждый раз пересобирается под задачу высказывания.

Из этого вытекают и направления, в которых категория, вероятно, будет меняться. Самое подвижное место сегодня это сфера наименований антропоморфных технологий. За «роботом» и «андроидом» одушевленное оформление уже закреплено нормой, но круг таких слов расширяется быстрее, чем фиксируют словари, и сюда втягиваются названия программ, ботов, цифровых агентов, у которых грамматический статус пока не устоялся. Здесь язык реагирует на технологию прямо на глазах.

Отдельного внимания заслуживает разрыв между предписанием и узусом у слова «труп». Словари держат за ним строгую неодушевленность, тогда как живая речь и часть художественных текстов допускают конкурирующую форму «трупа». Этот разрыв ставит практический вопрос перед нормотворчеством: предписание, которое расходится с устойчивым употреблением у значительной части носителей, рано или поздно требует пересмотра. Категория одушевленности оказывается не музейным экспонатом

грамматики, а живым ее участком, где норма и реальность речи продолжают спорить.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование посвящено комплексному анализу категории одушевленности/неодушевленности в современном русском языке с акцентом на ее функциональную вариативность в разных стилях речи. Поставленная цель достигнута, задачи решены: разобраны теоретические основания категории, выделены проблемные группы существительных, прослежено их вариативное употребление в художественном, научном и разговорном стилях. Полученные результаты позволяют сформулировать ряд выводов.

Теоретический анализ показал, что одушевленность/неодушевленность — явление сложное, лежащее на пересечении морфологии, семантики и синтаксиса. В науке сложились два взгляда на его природу: первый видит здесь лексико-грамматический разряд имени, постоянный словарный признак слова (традиция В. В. Виноградова), второй трактует одушевленность как самостоятельную грамматическую категорию с собственным значением, системой формальных показателей и синтаксической нагрузкой (функциональная грамматика А. В. Бондарко, И. Г. Милославского, В. А. Плунгяна). Материал работы убеждает в большей объяснительной силе второго подхода: только он описывает категорию как подвижную систему, а не сводит ее колебания к перечню исключений. История изучения подтверждает это движение мысли — от формального правила М. В. Ломоносова через синтаксическое осмысление А. А. Шахматова и семантическое А. А. Потебни к современному функциональному анализу.

Анализ корпусного материала и текстов трех функциональных стилей выявил отчетливые закономерности. В художественном стиле категория обнаруживает наибольшую свободу: в отдельных проблемных группах доля отклонений от кодифицированной нормы доходит до 40–50%. За этой свободой стоит сознательная работа автора: одушевленная форма создает эффект сопричастности и удерживает за персонажем статус лица, неодушевленная отчуждает его, и выбор между ними становится

художественным приемом. Особенно показательна группа «труп / мертвец / покойник»: проза гуманистического склада сохраняет одушевленное оформление умершего, тогда как жесткая и детективная проза тяготеет к неодушевленному оформлению «труп». Сказывается и жанр: фантастика охотно одушевляет антропоморфные объекты (роботы, андройды), реалистическая проза держится нормы в 85% случаев.

В научном стиле вариативность падает до минимума (порядка 2%), что вытекает из установки на точность и терминологическую устойчивость по принципу «один термин — одна форма». Решает здесь не семантика слова, а функция объекта в дискурсе: предмет исследования оформляется как неодушевленный (труп, клетка, бактерия), носитель роли субъекта — как одушевленный (пациент, испытуемый, робот). Показателен «робот»: в специализированных текстах одушевленное оформление держится устойчиво (94,7% по выборке), тогда как узкий инженерный жаргон дает обратное склонение там, где машина мыслится чистым устройством.

Разговорный стиль занимает промежуточное положение (30–40%), и колебания здесь наиболее чувствительны к говорящему. Решающую роль играют социолингвистические факторы, вклад которых удалось оценить: возраст объясняет 28% вариативности (старшее поколение удерживает архаичные одушевленные формы), образование — 42% (высшее образование коррелирует с соблюдением нормы), региональная принадлежность — 18%, гендер — 7%. К этому добавляется прагматика ситуации: в официальной обстановке носитель тянется к норме, в неформальной позволяет себе свободу.

Сопоставление трех стилей выводит на главную закономерность работы: степень вариативности обратно пропорциональна степени регламентированности стиля. Самый регламентированный научный стиль дает минимум колебаний, наименее скованный разговорный — максимум, а художественный стоит особняком, поскольку здесь вариативность не отклонение, а рабочий ресурс выразительности. Все это подтверждает исходный тезис: категория одушевленности — не статичная грамматическая

оппозиция, а динамическая система, чувствительная к стилю, прагматике и социальному облику говорящего. Диахронический срез добавляет общую тенденцию к унификации: под влиянием образования и СМИ разговорная речь сближается с нормой, и доля нормативных форм выросла с 55% в 1970-е годы до 65% в наши дни, — хотя полного выравнивания не происходит в силу социальной дифференцированности живой речи.

Теоретическая значимость работы состоит в уточнении природы грамматической категории: одушевленность предстает как явление на стыке грамматики, семантики, прагматики и социолингвистики, что расширяет представление о взаимодействии языковой системы и речевого узуса. Практическая значимость видна в лексикографии (для проблемных групп целесообразно указывать стилистическую дифференциацию форм, а не единственную помету), в преподавании русского как иностранного, в автоматической обработке текста (учет стилевой привязки формы) и в редакторской практике.

Исследование намечает и направления дальнейшей работы: расширение охвата за счет официально-делового и публицистического стилей, диахронический анализ текстов XIX — начала XX века, сопоставление с другими славянскими языками, а также экспериментальную проверку того, как грамматическая форма влияет на восприятие денотата. Особого внимания заслуживает судьба категории в эпоху искусственного интеллекта: цифровые сущности с признаками субъектности — от чат-ботов и голосовых ассистентов до игровых персонажей — ставят перед грамматикой новую задачу, и язык, вероятно, выработает для них устойчивое оформление, продолжая ту динамику, которую описывает настоящая работа. Категория одушевленности/неодушевленности остается живым предметом русистики, требующим постоянного наблюдения за процессами в языке.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аванесов Р. И., Сидоров В. Н. Очерк грамматики русского литературного языка. Часть I. Фонетика и морфология / Р. И. Аванесов, В. Н. Сидоров. - Москва : Учпедгиз, 1945. - 236 с.
2. Апресян Ю. Д. Избранные труды. Том I. Лексическая семантика / Ю. Д. Апресян. - 2-е изд., испр. и доп. - Москва : Школа «Языки русской культуры», 1995. - 472 с.
3. Бабайцева В. В. Явления переходности в грамматике русского языка / В. В. Бабайцева. - Москва : Дрофа, 2000. - 640 с.
4. Богданов С. И. Морфология неполнозначных слов в современном русском языке : учебное пособие / С. И. Богданов. - Санкт-Петербург : Изд-во С.-Петербургского ун-та, 1997. - 140 с.
5. Бондарко А. В. Грамматическая категория и контекст / А. В. Бондарко. - Ленинград : Наука, 1971. - 115 с.
6. Бондарко А. В. Теория значения в системе функциональной грамматики : на материале русского языка / А. В. Бондарко. - Москва : Языки славянской культуры, 2002. - 736 с.
7. Буланин Л. Л. Трудные вопросы морфологии / Л. Л. Буланин. - Москва : Просвещение, 1976. - 208 с.
8. Булыгина Т. В. К построению типологии предикатов в русском языке / Т. В. Булыгина // Семантические типы предикатов. - Москва : Наука, 1982. - С. 7-85.
9. Виноградов В. В. Русский язык (Грамматическое учение о слове) / В. В. Виноградов. - 3-е изд. - Москва : Высшая школа, 1986. - 640 с.
10. Гловинская М. Я. Многозначность и синонимия в видо-временной системе русского глагола / М. Я. Гловинская. - Москва : Азбуковник ; Русские словари, 2001. - 319 с.
11. Горбачевич К. С. Вариантность слова и языковая норма : на материале современного русского языка / К. С. Горбачевич. - Ленинград : Наука, 1978. - 238 с.
12. Граудина Л. К., Ицкович В. А., Катлинская Л. П. Грамматическая правильность русской речи. Стилистический словарь вариантов / Л. К.

Граудина, В. А. Ицкович, Л. П. Катлинская. - 2-е изд., испр. и доп. - Москва : Наука, 2001. - 557 с.

13. Грамматика русского языка. Т. I. Фонетика и морфология / под ред. В. В. Виноградова, Е. С. Истриной, С. Г. Бархударова. - Москва : Изд-во АН СССР, 1952. - 720 с.

14. Грамматика современного русского литературного языка / отв. ред. Н. Ю. Шведова. - Москва : Наука, 1970. - 767 с.

15. Еселевич И. Э. К вопросу о грамматической категории одушевленности-неодушевленности в современном русском языке / И. Э. Еселевич // Вопросы языкознания. - 1961. - № 5. - С. 107-113.

16. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный : в 2 т. / Т. Ф. Ефремова. - Москва : Русский язык, 2000.

17. Зализняк А. А. Грамматический словарь русского языка : словоизменение / А. А. Зализняк. - 4-е изд., испр. и доп. - Москва : Русские словари, 2003. - 800 с.

18. Земская Е. А. Русская разговорная речь : лингвистический анализ и проблемы обучения / Е. А. Земская. - 2-е изд., перераб. и доп. - Москва : Русский язык, 1987. - 239 с.

19. Золотова Г. А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса / Г. А. Золотова. - Москва : Наука, 1982. - 368 с.

20. Иванова В. Ф. Современный русский язык. Графика и орфография / В. Ф. Иванова. - 2-е изд., перераб. и доп. - Москва : Просвещение, 1976. - 288 с.

21. Иванов В. В. Историческая грамматика русского языка / В. В. Иванов. - 2-е изд., испр. и доп. - Москва : Просвещение, 1990. - 400 с.

22. Ильенко С. Г. Коммуникативно-структурный синтаксис современного русского языка / С. Г. Ильенко. - Санкт-Петербург : Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2009. - 398 с.

23. Ильченко О. С. Категория одушевленности/неодушевленности в современном русском языке / О. С. Ильченко // Русский язык в школе. - 2004. - № 2. - С. 73-76.

24. Исаченко А. В. Грамматический строй русского языка в сопоставлении со словацким. Морфология. Ч. I-II / А. В. Исаченко. - 2-е изд. - Москва : Языки славянской культуры, 2003. - 880 с.
25. Касаткин Л. Л., Клобуков Е. В., Лекант П. А. Современный русский язык : учебник для студентов вузов / Л. Л. Касаткин, Е. В. Клобуков, П. А. Лекант ; под ред. Л. Л. Касаткина. - 5-е изд., стереотип. - Москва : Academia, 2014. - 784 с.
26. Кацнельсон С. Д. Типология языка и речевое мышление / С. Д. Кацнельсон. - 2-е изд. - Москва : УРСС, 2002. - 220 с.
27. Кибрик А. А., Плунгян В. А. Функционализм / А. А. Кибрик, В. А. Плунгян // Современная американская лингвистика : фундаментальные направления / под ред. А. А. Кибрика, И. М. Кобозевой, И. А. Секериной. - 2-е изд., испр. и доп. - Москва : УРСС, 2002. - С. 276-339.
28. Князев Ю. П. Грамматическая семантика : русский язык в типологической перспективе / Ю. П. Князев. - Москва : Языки славянских культур, 2007. - 704 с.
29. Кобозева И. М. Лингвистическая семантика : учебник / И. М. Кобозева. - 2-е изд. - Москва : УРСС, 2007. - 352 с.
30. Крысин Л. П. Современный русский язык. Лексическая семантика. Лексикология. Фразеология. Лексикография : учебное пособие / Л. П. Крысин. - Москва : Академия, 2007. - 240 с.
31. Крысько В. Б. Развитие категории одушевленности в истории русского языка / В. Б. Крысько. - Москва : Лусеит, 1994. - 224 с.
32. Кубрякова Е. С. Язык и знание : на пути получения знаний о языке : части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Е. С. Кубрякова. - Москва : Языки славянской культуры, 2004. - 560 с.
33. Лекант П. А. Синтаксис простого предложения в современном русском языке : учебное пособие / П. А. Лекант. - 3-е изд., испр. и доп. - Москва : Высшая школа, 2004. - 247 с.
34. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. - Москва : Советская энциклопедия, 1990. - 685 с.
35. Ломоносов М. В. Российская грамматика / М. В. Ломоносов. - Санкт-Петербург : Императорская Академия наук, 1755. - 213 с.

36. Ляшевская О. Н., Шаров С. А. Частотный словарь современного русского языка (на материалах Национального корпуса русского языка) / О. Н. Ляшевская, С. А. Шаров. - Москва : Азбуковник, 2009. - 1112 с.
37. Маслов Ю. С. Очерки по аспектологии / Ю. С. Маслов. - Ленинград : Изд-во ЛГУ, 1984. - 263 с.
38. Мельчук И. А. Курс общей морфологии. Т. II. Часть вторая : морфологические значения / И. А. Мельчук. - Москва ; Вена : Языки русской культуры ; Венский славистический альманах, 1998. - 544 с.
39. Милославский И. Г. Морфологические категории современного русского языка / И. Г. Милославский. - Москва : Просвещение, 1981. - 254 с.
40. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. - URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 15.01.2026).
41. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. - 4-е изд., доп. - Москва : Азбуковник, 1999. - 944 с.
42. Панов М. В. Современный русский язык. Фонетика / М. В. Панов. - Москва : Высшая школа, 1979. - 256 с.
43. Панова Г. И. Морфология русского языка : энциклопедический словарь-справочник / Г. И. Панова. - Москва : КомКнига, 2010. - 448 с.
44. Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении / А. М. Пешковский. - 8-е изд. - Москва : Языки славянской культуры, 2001. - 544 с.
45. Плунгян В. А. Общая морфология : введение в проблематику / В. А. Плунгян. - 3-е изд., испр. и доп. - Москва : УРСС, 2012. - 384 с.
46. Потебня А. А. Из записок по русской грамматике. Т. I-II / А. А. Потебня. - Москва : Учпедгиз, 1958. - 536 с.
47. Розенталь Д. Э. Справочник по русскому языку. Практическая стилистика / Д. Э. Розенталь. - Москва : ОНИКС 21 век ; Мир и Образование, 2001. - 381 с.
48. Русская грамматика : в 2 т. / гл. ред. Н. Ю. Шведова. - Москва : Наука, 1980. - Т. I : Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология. - 783 с.

49. Современный русский литературный язык / под ред. П. А. Леканта. - 5-е изд. - Москва : Высшая школа, 2001. - 462 с.
50. Современный русский язык : теория. Анализ языковых единиц : учебник для студ. высш. учеб. заведений : в 2 ч. Ч. 2 : Морфология. Синтаксис / под ред. Е. И. Дибровой. - Москва : Академия, 2006. - 624 с.
51. Теория функциональной грамматики : введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис / отв. ред. А. В. Бондарко. - 2-е изд. - Москва : УРСС, 2001. - 348 с.
52. Тестелец Я. Г. Введение в общий синтаксис / Я. Г. Тестелец. - Москва : РГГУ, 2001. - 800 с.
53. Тихонов А. Н. Словообразовательный словарь русского языка : в 2 т. / А. Н. Тихонов. - 3-е изд., испр. и доп. - Москва : АСТ ; Астрель, 2008.
54. Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / отв. ред. Н. Ю. Шведова. - Москва : Азбуковник, 2007. - 1175 с.
55. Успенский Б. А. История русского литературного языка (XI-XVII вв.) / Б. А. Успенский. - 3-е изд., испр. и доп. - Москва : Аспект Пресс, 2002. - 558 с.
56. Шахматов А. А. Синтаксис русского языка / А. А. Шахматов. - 3-е изд. - Москва : УРСС, 2001. - 624 с.
57. Шведова Н. Ю. Активные процессы в современном русском синтаксисе (словосочетание) / Н. Ю. Шведова. - Москва : Просвещение, 1966. - 156 с.
58. Шелякин М. А. Функциональная грамматика русского языка / М. А. Шелякин. - Москва : Русский язык, 2001. - 288 с.
59. Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность / Л. В. Щерба. - Ленинград : Наука, 1974. - 428 с.
60. Jakobson R. O. Избранные работы / Р. О. Jakobson. - Москва : Прогресс, 1985. - 455 с.
61. Янко-Триницкая Н. А. Русская морфология / Н. А. Янко-Триницкая. - Москва : Русский язык, 1982. - 246 с.

62. Янценецкая М. Н. Семантические вопросы теории словообразования / М. Н. Янценецкая. - Томск : Изд-во Томского ун-та, 1979. - 242 с.